

П. В. Лапатинский

БИНАРНЫЕ ОППОЗИЦИИ В ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКОМ ФОНДЕ РУССКОГО ЯЗЫКА: ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ

Аннотация. В статье анализируются гендерные оппозиции как один из базовых элементов паремиологического фонда русского языка. Автор акцентирует внимание на характеристике как двучленных оппозиций с регулярными членами и их дериватами, имеющими статус узувальных, так и на описании бинарных оппозиций, построенных с учетом набора ассоциативных компонентов.

Ключевые слова: паремиологический фонд русского языка, паремия, антропоцентризм, бинарная оппозиция, гендерный аспект.

Summary. The article analyzes gender oppositions as one of the basic elements of the paremiological fund of the Russian language. The author focuses on the characterization of both binomial oppositions with regular members and their derivatives, which have the status of conventional ones, and on the description of binary oppositions built taking into account a set of associative components.

Keywords: paremiological fund of the Russian language, paremia, anthropocentrism, binary opposition, gender aspect.

Смена научных парадигм – естественный и закономерный процесс, который коррелирует с научными предпочтениями в определенный период развития лингвистической мысли. Одним из аспектов ее исследования является антропоцентризм, основу которого формирует положение о человеке как центре и высшей цели мироздания. Однако особый интерес представляет изучение «не абстрактной идеи человека, а его мужской и женской ипостасей» [4, с. 44], поскольку это дает возможность установить набор универсальных и национально маркированных единиц, которые используются для номинации лиц мужского и женского пола. Особое место среди них занимают гендерные бинарные оппозиции (далее – ГБО), формирующие семантическое пространство паремиологического фонда русского языка (далее – ПФРЯ).

Обращение к изучению ГБО вполне закономерно, поскольку дихотомии «мужчина – женщина», «муж – жена», «отец – мать», «брат – сестра» и др. имеют статус универсальных и обладают высоким коннотативным потенциалом. Кроме того, «мужской – женский» – «одна из основных оппозиций в народной культуре, противопоставляющая мужское и женское начало в категориях пола, грамматического рода, символики и обрядовых функций. Разделение полов и противопоставление по принципу

«мужское/женское» преодолевается в актах творения, зачатия, рождения» [7, с. 311]. ГБО занимают особое место как в паремиологическом фонде русского языка, так и в общей типологии бинарных оппозиций (далее – БО): они представляют собой подвижную систему, которая «пересекается» с другими БО и включает в свой состав компоненты таких бинарных оппозиций, как религиозные и зоонимические БО, бинарные оппозиции с семантикой родства.

Одними из самых частотных ГБО (49,44%) являются дихотомии «мужчина – женщина» и «муж – жена». По мнению О. Береговой, мужчина и женщина являются дуальной парой и союзом двух начал, где «у мужчины преобладает разумное начало, у женщины – чувственное. Здесь можно проводить аналогию с Правью и Навью, однако это все же несколько иной конфликт: мы не можем говорить о том, что мужчина – олицетворение Правы, а женщина – Нави, однако им могут быть присущи особенности как Правы, так и Нави (все зависит от человека)» [1, с. 15].

Материал нашей картотеки свидетельствует о том, что семантика феминности коррелирует со значением «красота», а семантика маскулинности – со значением «ум». При этом акцент переносится на неразрывную связь мужского и женского: разрыв этой «гендерной цепочки» приводит к утрате таких важных характеристик, как «красота» и «ум»: *Женщины без мужчин блекнут, а мужчины без женщин глупеют.*

Паремии *Муж – голова, жена – шея: куда шея повернет, туда и голова повернется; Муж – голова, жена – душа; Без мужа голова не покрыта, без жены дом не крыт* фиксируют «реальное» положение дел в семье: жена влияет на исход события, создает особый микроклимат в семье, несмотря на то что именно муж является ее главой. Нередко это обуславливается ссорой женщины. Так, в паремии *Муж возом не навозит, что жена горшком наносит* внимание акцентируется на том, что женщина не уступает мужчине в ловкости.

Образ жены в ПФРЯ неразрывно связан с таким понятием, как трудолюбие, которое нередко противопоставляется праздному времяпрепровождению мужчин: *Не прядет мужик, да без рубахи не ходит; а баба и прядет, да не по две вдруг носит; Давно то было баяно, что жена не барыня.* Такие пословицы, как *Жена мелет, а муж спит; Жена прядет, а муж пляшет; Жена у посудника (дома), и муж у посудника (в кабаке),* акцентируют внимание на именно на женском трудолюбии.

Семантическое пространство паремий нередко расширяется за счет включения в их состав компонентов религиозных БО. Так, пословица *Да убоится жена мужа, а муж жены – як сатаны* коррелирует с известным выражением Священного Писания «Так каждый из вас любит свою жену, как самого себя; а жена да боится своего мужа». Однако в паремии изменяется «семантический вектор»: не только жена должна бояться мужа, но и муж жены. Причем страх мужа гиперболизируется за счет использования сравнительной конструкции с религиозным компонентом (*жена – сатана*).

Противопоставление мужского и женского репрезентируется и посредством установления «гендерных особенностей» греха, вербализации

отношения к измене и ее последствиям. Паремия *Мужнин грех – за порогом остается, а жена все домой несет* свидетельствует о том, что понятие «грех» по отношению к мужу и жене получает разную степень огласки.

ПФРЯ иллюстрирует важность взаимопонимания между мужем и женой: *Муж подумал, а жена сделала*. Однако такое семейное равновесие возможно только в случае правильного подхода к выбору невесты. Как показал анализ паремий, возрастная разница между мужем и женой имеет очень большое значение: *Невеста родится, а жених на коня садится; Невеста в пеленках, а жених на лошаденках*.

Хорошая жена, как и муж, является главным семейным богатством: *Муж без жены – что конь без узды, а жена без мужа – что речка без берегов*.

Народная мудрость гласит, что в отношении мужа и жены не должен вмешиваться никто посторонний: *Муж с женой ругайся, а третий не мешайся*. В ПФРЯ важное место занимают паремии, которые отражают единство и неразрывную связь мужа и жены, ответственность мужа за свою жену: *Муж – за гуж, жена – за другой; Жена – не сапог, с ноги не скинешь <муж с ноги не скинет>*.

Гендерная оппозиция «отец» – «мать» занимает второе место по частотности в системе гендерных БО (24,71 %). Лексический маркер *мать* на уровне паремиологии является модификацией древних мифологем *земля* и *родина*, о чем свидетельствуют такие устойчивые сочетания, как *мать-земля*, *мать-природа*, *матушка Русь* и *Россия-матушка*. Отец – «глава семьи, на котором лежит ответственность за продолжение имени и рода. Только после рождения первого ребенка «молодожен» получает право называться мужчиной» [7, с. 592].

Анализируемая гендерная бинарная оппозиция фиксирует отношение русского человека к процессу воспитания детей, роли в нем отца и матери: *Детки хороши – отцу-матери венец, а детки плохи – отцу-матери конец*. Но в ПФРЯ содержатся единицы, которые отражают «разный уровень» материнской и отеческой любви. Так, паремия *Маменькин сынок – батюшкин горбок* репрезентирует идею гиперболизированной «материнской любви» и ее отрицательного влияния на будущее сына [6, с. 327]. Паремия *Мать в голову вобьет, а отец не вобьет* отражает степень влияния матери на детей.

Кроме того, для русского человека важным является присутствие в его жизни именно матери (в некоторых случаях это подчеркивается грамматически – соотношением форм числа): *Без отца – полсироты, а без матери – и вся сирота; Отцов много, а мать одна*.

Гендерная оппозиция «сын» – «дочь» составляет 15,84 % от общего количества проанализированных нами ГБО. Анализ материала картотеки показал, что именно сын (а не дочь!) более привязан к семейным традициям: *Сын гладит в дом, а дочь глядит вон*. Во многом это обусловлено тем, что именно в родительский дом сын приводил свою будущую жену. Кроме того, нередко подчеркивается, что воспитание сына принесет положительный результат в будущем: *Сына кормить – займы давать, а дочь кормить – в окно деньги выбрасывать*.

Это подтверждают и данные лексикографических источников. Так, в словаре «Славянские древности» подчеркивается, что понятия «сын» и «дочь» патриархально ориентированы: женщина/девушка – нечистое начало, способна быть неверной; сын носит свою фамилию, остается в семье, дочь – становится частью другой семьи и начинает носить фамилию мужа. Процесс обрядового «перехода» для невесты более актуален, чем для жениха, поскольку ей приходится переходить на чужую сторону, в новую семью» [5, с. 381], что и актуализируется в приведенной выше паремии (*Сын гладит в дом, а дочь глядит вон*), где гендерная БО «сын – дочь» пересекается с пространственной БО «свой – чужой» (*дом – вон*).

Гендерная оппозиция «кум – кума» составляет 7,01 % от общего количества. В ней реализуются либо закрепленные в этносознании идеи о греховности связи кума и кумы (*Кум – во двор, а кума – со двора; Кум подмигивает, а кума отмахивается; Спасибо куме, что до кума добра*), дальновидности и предусмотрительности кумы (*Кум говорит наобум, а кума на ум*), религиозных традициях (*Кум к куме с мылом, а кума к куму с пряником*), либо классические примеры о взаимоотношениях мужчины и женщины (*Кума пеша – куму легче, Кума с возу, куму легче*).

Материал нашей картотеки позволил выделить группу гендерных бинарных оппозиций с непрямым объектом номинации (3 % от общего количества ГБО), в которых для актуализации гендерной семантики используются не системные лексические единицы, а компоненты других БО, формирующих контекстуальные оппозиции: *Не будь овцой, а то волки съедят; Волос длинный, а ум короткий*. Именно ассоциативные и логико-предметные связи, которые устанавливаются между объектами номинации, по мнению Л. В. Гриченко, «способствуют целостному представлению концепта» [2, с. 33].

Выводы:

1. Идея антропоцентричности последовательно реализуется в ПФРЯ, о чем свидетельствуют гендерные бинарные оппозиции, формирующие его семантическое пространство.

2. ГБО можно ранжировать следующим образом: двучленные оппозиции с регулярными членами, имеющими статус узуальных, и БО, построенные с учетом набора ассоциативных компонентов.

Список использованных источников

1. Берегова, О. Символы славян / О. Берегова. – СПб. : Диля, 2011. – 428 с.
2. Гриченко, Л. В. Концептуальная оппозиция «богатство-бедность» в пословичной картине мира русского народа // Балтийс. гуманитар. журн. – 2016. – Т. 5, № 3 (16). – С. 31–35.
3. Калугина, Е. Н. Метафорические наименования мужчины и женщины в субстандарте английского языка / Е. Н. Калугина // Вестн. Балтийс. Федер. ун-та. – Калуга, 2012. – Вып. 2. – С. 44–51.

4. Карасик, В. И. Антология концептов / В. И. Карасик, И. А. Стернин. – М. : Гнозис, 2007. – 512 с.

5. Славянские древности : Этнолингвистический словарь : в 5 т. / под ред. Н. И. Толстого. – М. : Междунар. отношения, 1995. – Т. 1. – 575 с.

6. Славянские древности : Этнолингвистический словарь : в 5 т. / под ред. Н. И. Толстого. – М. : Междунар. отношения, 1999. – Т. 2. – 688 с.

7. Славянские древности : Этнолингвистический словарь в 5 т. / под ред. Н. И. Толстого. – М. : Междунар. отношения, 2004. – Т. 3. – 704 с.

8. Якутин, Ю. В. Народная мудрость. Сборник русских пословиц / Ю. В. Якутин. – М. : Экономическая газета, 2013. – 320 с.